

 Доктор
Юнна

Рискованные связи

Жизненные истории

Житейские истории

Доктор Нонна

Рискованные связи

«ЭКСМО»

2011

Нонна Д.

Рискованные связи / Д. Нонна — «Эксмо», 2011 — (Житейские истории)

В прекрасном Будапеште встретились он и она, юные, красивые, талантливые. Любовь вспыхнула с первого взгляда. На празднование Нового года приехал Слава к родителям невесты, чтобы попросить ее руки. Казалось бы, все складывалось как нельзя лучше: пара прекрасная, не за горами и пополнение в семействе. Да вот что-то тревожило мать Серафимы, беспокойно было ее душе от предстоящего торжества. Кого напоминает ей избранник дочери? Чьи знакомые черты узнает она в его облике? Стоит ли доверять свою Симочку этому словно родному человеку?

© Нонна Д., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Доктор Нонна

Рискованные связи

Даже если ты падаешь, знай, что это падение может стать трамплином для твоих детей.

М. Шнеерсон

Глава 1

Халатность – вот что мешает российскому населению нормально жить и следовать законам. Но Андрею она спасла жизнь.

Его забыли положить в холодильник. Сначала не было мест, а когда одно освободилось, на его тело пришла разнарядка по вскрытию на завтра. Санитар, спешащий домой к телевизору попереживать за любимую футбольную команду, решил лишний раз не суетиться.

Почти сутки отлежавшись после аварии, Андрей очнулся и долго раздумывал, где, собственно, он находится. Во-первых, было холодно, во-вторых, темно. Спина и ягодицами он ощущал металлическую поверхность, а на лицо была накинута ткань.

«Я не в гробу, – сам себе объяснил Андрей. – А это уже обнадеживает. Наверное, я в морге».

Сил поднять руки и проверить свою догадку пока не находилось.

Проснувшаяся память начала раскручивать воспоминания в обратном порядке.

Он сидел за рулем своего «Мерседеса» и пытался оторваться от нагонявшего его автомобиля. Раздалось несколько выстрелов, и на ветровом стекле появились сквозные дырки, окруженные паутиной трещин.

«Вперед! – решил Андрей. – Другого выхода нет».

Настроившись на отключение сознания, что приводит к расслаблению всех мышц, и следовательно, к минимальному травматизму, он направил машину в ближайший фонарный столб и одновременно отстегнул ремень безопасности.

Дверцу автомобиля Андрей открыл за мгновение до удара...

Его швырнуло в сторону, метров на пять, и он упал в сугроб, покрытый ледяным настом. Сугроб оказался странно твердым. Видимо, снег сгребли на бетонную плиту или горку гравия.

Перед тем как потерять сознание, Андрей ощутил удар, пришедшийся на ребра, колени и голову. Очнувшись, сквозь вязкую темноту услышал резкий вой машины «Скорой помощи», ощутил прикосновения чужих рук к голове и усталый голос:

– ...Черепно-мозговая... не жалец.

С врачом кто-то заговорил, уточняя диагноз, и Андрей побоялся, что его отправят в больницу, спасать.

– Умри, – приказал он себе и окончательно провалился в ничто.

Две недели назад в их офис пришли трое «братков». Пришли шумно, вырубili двух охранников, надавав под дых и по почкам. Разбили стеклянную столешницу стола в приемной, наорали на секретаршу так, что та расплакалась.

Когда Андрей, услышав громкие голоса, открыл дверь своего кабинета, на него уставились три пары наглых глаз.

– Ты, что ли, хозяин?

Один из посетителей, похожий на разевшегося кабанчика, ладонью втолкнул его обратно в кабинет.

– Есть разговор.

Андрей, стараясь сохранить лицо, спокойно прошел за свой стол, сел в офисное кресло.
– Я вас слушаю.

– Еще бы. Ты будешь слушать сюда. Нам, – браток обвел руками своих товарищей. – Нам нужны деньги. А тебе...

В этот момент в кабинет вошли Гена и Александр. Оба в дорогих костюмах, хорошо подстриженные, пахнущие эксклюзивным парфюмом. Братки оценили их по-своему: худенькие, лощеные, в цивильных костюмчиках, оба в очечках. Одно слово – интеллигенты.

Гена и Александр прошли к дивану, стоящему рядом со столом Андрея, сели.

– То есть вам, – продолжил браток, – нужно спокойно жить, без неприятностей. Поэтому с вас триста тысяч зелени. А то разжировались на нашей земле, аж смотреть противно.

– Не понял, – Андрей достал из пиджака пачку сигарет, закурил. – С какого перепуга мы должны платить за то, что сами зарабатываем деньги? Ни у кого не отбираем, не занимаем, не грабим?

– Под наивного косишь? А вот давай с твоими подельниками побазарим. – Вымогатель развернулся всем телом к дивану и смерил Геннадия уверенным взглядом. – Хочешь, чтобы у фирмы склады погорели или дочка твоя до детского сада не дошла?

Гена как-то сразу обмяк, потеряв весь лоск. Его компаньон, сидящий рядом, наоборот, выпрямился.

– А что так много запрашиваете? – Александр тоже достал из кармана пачку сигарет, но не закурил, только размял пальцами сигарету. – Нам сложно потянуть такую сумму.

– Вам сложно? – Браток развернулся к Андрею. – Меня Лешей зовут. Говорю, чтобы легче было общаться. Так вот, на одного триста штук многовато, но ведь вас трое, так что получается по сто штук на рыло, а это уже реальная сумма. Лады?

Андрей смотрел на человека, сидящего перед ним, с тихой ненавистью. Почему он, этот Леша, позволяет себе диктовать условия им, людям, которые своим трудом заработали деньги. Да, они попали в струю государственных неразберих и воспользовались моментом законодательных недоразумений. А кто этим не пользовался? Только ленивый.

И никто, кроме родного деда, не помогал Андрею в этой жизни.

В два года Андрей потерял родителей. Они, оставив маленького ребенка на няню, уехали в горы. И горы-то были не особо высокими и не сложными – Карпаты. Но случилась катастрофа, и оба в секунду погибли, попав под снежно-каменный обвал.

О родителях Андрей судил только по фотографиям. Отец – молодой мужчина – красовался на фоне гор в спортивном костюме, с тяжелым рюкзаком за спиной. Сам веселый, здоровый, счастливый. Мама – красавица с распущенными длинными волосами в цветастом ярком платье, была снята на набережной Москвы-реки всего за полгода до смерти. Она улыбалась в объектив, не догадываясь, какая участь постигнет ее и мужа.

Были еще фотографии, где родители стояли на перроне Казанского вокзала, а еще на фоне Киевского, Ленинградского и Савеловского.

Почему их так тянуло в горы, Андрей не понимал. Для себя он решил, что если у него будет ребенок, то он ни за что не оставит его одного, не даст обстоятельствам доминировать над своей родительской любовью.

Тогда, давным-давно, он остался один в пустой квартире с женщиной, не пожелавшей взять на себя ответственность за чужого ребенка.

Дед Евгений Петрович, отец мамы, служил в дипломатическом корпусе в Индии.

Узнав о трагедии, он через месяц прилетел в Москву и застал двухлетнего внука в больнице, куда его устроила няня. Андрею грозило распределение в Дом малютки, для детского дома он был слишком мал.

Сколько Евгению Петровичу потребовалось нервов и денег, чтобы быстро оформить опеку над внуком, знал только он. Но еще через месяц Андрюша летел вместе с дедом в Дели, а затем в Калькутту.

Шесть лет в Индии для любого человека не могли пройти незаметно, хотя Андрей, как и большинство детей, нечасто выходил за территорию посольства. В Калькутте, в представительстве Советского Союза, огороженном белым цементным забором, шла своя особенная жизнь. Разговаривали на русском, но в школе несколько предметов вели на английском.

Женщины, оценив удобство сари, надевали официальные костюмы и кримпленовые плотные платья только по случаю прихода гостей, а дома ходили в полупрозрачных легких одеяниях. Конечно, накручивать на себя девять метров шелковой ткани никто не собирался, ограничивались четырьмя с половиной метрами хлопка и легкой кофточкой «чоли».

Между собой женщины перешептывались, что до колонизации англичанами индийские женщины, и так не отличающиеся в замужестве пуританством, кофточки чоли не носили, оставляли голой левую грудь, а подол юбки был гораздо короче.

В школе, в которую Андрей, за неимением детского сада, ходил с пяти лет, были особые уроки физкультуры. Первые десять минут дети старательно делали привычные упражнения европейской гимнастики, а затем смуглый преподаватель в чалме просил разобрать сложенные в углу половики и детишки принимали особые позы – асаны, приучаясь дышать правильно и стимулировать внутренние органы работать в самом удобном для организма режиме.

Учителя звали Абхи, и школьники тут же окрестили его «Апчхи». Узнав о том, что именно обозначает новое имя, учитель не обиделся.

– Хорошее имя – очищение органов дыхания. Мне нравится, – невозмутимо заметил Абхи, продолжив занятия. – Принимаем следующую асану.

Говорил Абхи со своими учениками на смеси хинди, английского и русского языков.

Со взрослыми учениками ему иногда было сложно общаться, зато дети понимали его сразу.

Половина людей, живущих в представительстве, вечером приходила в спортивный зал. Чтобы не смущать своих учеников, Абхи проводил занятия с женщинами и с мужчинами раздельно. В Индии девочек с момента появления месячных приучают к тому, что они обязаны доставлять мужу сексуальное удовольствие, а европейцы в плане секса люди дикие и на первых занятиях, при откровенных позах, часто краснели и смеялись друг над другом.

С Евгением Петровичем учитель йоги разговаривал чаще, чем с другими.

– У вас скромные женщины, закомплексованные. Одеваются сложно, слишком много одежды. А мужчины не всегда понимают важность асан. Вот асана «сосредоточение». При ней нужно замереть, и тогда мысли станут четче, а температура тела понизится на несколько градусов.

Обидевшись за русских, а вернее, тогда еще советских сотрудников, Евгений Петрович пригласил Абхи к себе домой и провел на кухню. Он попросил учителя засунуть руку в морозильную камеру.

– Вот при такой температуре мы живем три месяца в году. А жара у нас бывает очень редко.

Подержав с минуту смуглую худую руку в морозилке, Абдхи молча сел на диван в гостиной, потер кожу.

– Странное для меня ощущение. Я знал, что у вас в России холодно, но не понимал, что настолько. Вам нужно внимательнее относиться к упражнениям, но не все из них подойдут вам там, в ваших морозах.

После этого замечания Евгений Петрович проникся к Абхи еще большим уважением и попросил о дополнительных занятиях в своем доме для себя и внука. Учитель согласился.

– Вы мудрый человек, – в свою очередь сказал Абхи. – Я видел у вас на животе родимое пятно в виде паука, а это особый знак, отличающий достойного.

Калькутта в восьмидесятых годах – округ, где наиболее ярко пропагандировались коммунистические идеи, поэтому население к сотрудникам Советского посольства относилось замечательно. Дети, выходящие из поселка представительства, чувствовали себя защищенными.

Андрей привык к Калькутте. В этом старом и местами поразительно грязном городе сосуществовали две цивилизации – европейская, при-внесенная англичанами, и древняя, индийская.

Даже семьи, живущие в картонных домиках на улицах рядом с многочисленными недорогими кафешками и домами европейцев, не вызывали отторжения. Ничего необычного в том, что люди не хотят или не могут жить далеко от места работы. Только пахло в таких домах-коробках отвратительно.

– А у нас они бы замерзли. У нас холодно, – сказал как-то Андрей своему учителю Абхи. – Мне дедушка рассказывал.

– Я понимаю, – согласился Абхи, потирая левую руку. – Помню.

В этот день Абхи предложил Евгению Петровичу и Андрею перейти к следующему этапу йоги – основам гипноза, внушения, создания иллюзии.

У дедушки не всегда хватало времени на занятия, зато Андрей занимался йогой не меньше двух часов ежедневно.

В первом классе Андрей иногда развлекался тем, что заставлял учительницу «не видеть» его самого или пропускать его фамилию в классном журнале, когда он не выучивал уроки. Это случалось крайне редко. Классы в представительстве были из трех-четырех учеников, и спрашивали их на каждом уроке.

Через шесть лет переезд в Москву стал для Андрея шоком. Выходить на улицу приходилось в пальто, на голову надевать жаркую шапку, возиться с носками и сапогами, о существовании которых он давно забыл.

Иногда Андрей даже в январе приходил на занятия, одетый лишь в легкую рубашку, но в спецшколе дипломатического корпуса над этим не смеялись. Многие дети сами приехали из африканских стран или из Англии, где климат значительно мягче нашего.

Проходили годы, и от Индии у Андрея остались фотографии представительства, портрет Абхи и ежедневные занятия йогой, на которых настаивал дедушка.

Друзья по школе – Гена и Сашка – увлечения Андрея йогой не разделяли. Генка родился в Греции, где в их доме зарядку делали редко, зато в каждый обед пили домашнее вино, а в выходные ходили по историческим раскопкам.

Сашкина семья приехала из островного государства Бали, и он ругался на местном диалекте и любил танцевать в юбке-паре. Ничему большему он к восьми годам не научился.

Советская спецшкола для детей сотрудников дипкорпуса – учреждение строгое. Через десять лет Андрей, Гена и Сашка стали похожими на всех остальных выпускников средних школ.

От большинства выпускников друзей отличала уверенность в том, что они благодаря родителям не разделят участи подростков, не знающих, куда пойти учиться дальше – в институт на инженера или в ПТУ на рабочего завода. Им была одна дорога – МГИМО.

Нагрянули сумасшедшие восьмидесятые года, которые очень быстро и ярко перетекли в девяностые. К тому времени трое друзей уже смогли «поймать волну» и наладить свой прибыльный бизнес.

Отец Александра, Виктор Павлович, уехал в Венгрию в качестве атташе по сельскохозяйственным делам. Приходилось заниматься многими проблемами, в том числе и поставками бумаги и целлюлозы из Сибири для обойной фабрики «Дунапак». Обои выпускались тридцати видов и в небольшой Венгрии особым спросом не пользовались.

Просчитав транспортные расходы и возможности советского рынка, где встали почти все фабрики и заводы, Виктор Павлович предложил сыну и его друзьям заняться обойным бизнесом.

Обои из Венгрии были красивыми, но дорогими.

Страна к концу девяностого года перестала быть Советским Союзом, но Россией еще не стала. Пятьдесят процентов сделок совершалось в режиме «бартер»: я тебе вагон тушенки, а ты мне два вагона цемента. На тушенку можно было обменять все – от коньяка и золота до автомобиля и зачисления в институт.

Просчитав все возможные ходы, Андрей с ребятами не только продавали обои, но и обменивали их на товары, реализовать которые было выгодно в других регионах.

Но большинству населения требовались не предметы роскоши, а реальные недорогие вещи, в том числе и материалы для ремонта квартир.

Нужно было перейти на производство обоев, и обязательно недорогих. А где взять дешевую бумагу?

Интернет в девяностых годах в России не пестрел нужной информацией, и Андрею пришлось лично вылететь в Екатеринбург, а оттуда ехать на попутных машинах еще триста километров до города Туринска, где загибался целлюлозный заводик. Здесь же производили обои с рисунком, очень подходящим для военных казарм и мест лишений свободы, – серенькие мелкие цветочки на противном желтом фоне.

Не растерявшись от такой «красотищи» и прельстившись ценой, ребята поступили просто – Андрей отказался от узора совсем, а Гена нашел в Москве, в Северном Тушино фабричку с офсетной печатью и предложил свои варианты рисунков.

Трех было вполне достаточно. Очень крупные бордовые розы в хрустальных вазах на салатном фоне, герои мультфильмов – Винни-Пух, Пятачок и Ослик Иа между парящими воздушными шариками, и вариант «шотландка» – серо-зелено-красная клеточка. То есть были охвачены все слои населения.

Обои шли на ура на всех рынках Москвы и Подмосковья. Объем российского производства в десять раз перекрыл качественную продукцию Венгрии.

Сумки с наличными деньгами заносились в офис компании по несколько раз в день. Хлеб в то время стоил двести рублей, а цена за рулон обоев приближалась к пяти тысячам. Рубли перед обменом на доллары складывали в мешки из-под сахара.

И сам Андрей, и Гена с Сашей подозревали, что стабильно бешеный доход фирмы долго без внимания криминальных структур остаться не может, но все надеялись на русский «авось».

«Авось» не случился. Как раз перед пятилетней годовщиной свадьбы Гены и Ларисы в офис приехали те самые братки во главе с Лешей, пообещавшие трем друзьям много-много неприятностей, если те не захотят поделиться заработанными денежными средствами.

Беда была в том, что недавно Андрей купил дом на Рублевке, потратив почти все деньги. Сашка содержал любовницу с ребенком, а Гена решил организовать роскошный юбилей на сто человек и отменять торжество не собирался, боясь гнева родителей и неудовольствия нужных родственников и знакомых с обеих сторон.

Проспорив весь вечер, ребята решили, что, поскольку у них нет лишних денег, терять им нечего. Гена и Александр уедут в Грецию, к отцу Гены, который сможет купить им на подставные имена две виллы, а Андрей, как человек свободный, потянет время, стараясь отвлечь внимание на себя. Свернув бизнес, он постарается вытянуть из него какие-то деньги.

Братки ждали два дня, затем без предупреждения снова нагрянули в офис фирмы. Там сидел только Андрей. Вчера он уволил всех многочисленных сотрудников, закрыл сделки и перевел деньги на подставные счета. Почти не спал, но успел вовремя.

– У нас кончилось терпение! – сердито сказал Леша, войдя в кабинет и плюхнувшись на диван. – Мы забираем сейфы у тебя из кабинета и из бухгалтерии. А ты посиди здесь, подумай.

Зная, что ни в одном, ни в другом сейфе денег нет, Андрей подождал, пока небольшой, но тяжелый металлический ящик вынесут из кабинета. Оставшийся для контроля один из вымогателей отвлекся, закуривая. Андрей положил в карманы плоские печати фирмы, ключи от машины и офиса, вскочил на подоконник и выпрыгнул из окна.

Второй этаж, зима, сугробы. Возле офиса располагался цветник. Именно на это Андрей и рассчитывал, попросив дворника почаше сгребать снег под окна офиса.

План сработал, и Андрею осталось только отряхнуться от снежной пыли и вскочить в припаркованную неподалеку машину.

А затем была та самая погоня, сопровождаемая стрельбой, и он теперь здесь, в морге. Живой только благодаря тому, что смог, как и учил его в детстве Абхи, задерживать дыхание и биение сердца, добиваясь эффекта «зомби», иначе браток Леша не постеснялся бы пристрелить его там, на снежной дороге.

В очередной раз Андрей мысленно поблагодарил деда за правильное воспитание. Евгений Петрович умер три года назад от инсульта. Ему было всего шестьдесят пять лет, и для человека, половину жизни прозанимавшегося йогой, смерть казалась странной.

После похорон единственного близкого человека Андрей сильно запил и на два месяца забросил занятия. Но за многие годы натренированное тело привыкло к физическим нагрузкам и требовало их возобновить.

И больше он не нарушал режим, по утрам принимая привычные асаны – от позы лотоса до семиминутного стояния на голове, со скрещенными над головой ногами.

Глава 2

Леночка, старшая дочь в многодетной семье, родилась и жила в Касимове – городе, расположенном под Рязанью. Двадцать тысяч населения. Из высотных домов – две семиэтажки, выше зданий нет. Город входит в «Золотое кольцо России», и для сохранения флера Средних веков российской глубинки девяносто процентов домов в городе небольшие и деревянные.

Братьев у Леночки было четверо. Разница в возрасте между нею и первым братом оказалась всего в два года, поэтому на девочку не легла тяжесть воспитания братьев.

Родив первого ребенка, когда обоим было по двадцать, Иван и Марья детьми особо не занимались, и Леночка росла «лопухом в огороде».

Внимания девочке оказывалось не очень много. Бытовые трудности по содержанию Лены взвалила на себя одинокая пятидесятилетняя соседка тетя Полина. Она ждала девочку после школы с готовым обедом, зашивала порванные колготки и одежду, пострадавшую после контактов с соседскими заборами.

А во дворе Леночкой занималась подружка Оля. Она учила ее играть в карты и «ножички», таскала воровать яблоки и овощи с чужих огородов. Зачем однокласснице нужны были соседские кабачки и яблоки, она бы и сама не сказала. Но Леночка усердно подражала Ольге. Даже пыталась научиться курить, но подруга неожиданно решила избавиться от вредной привычки.

В четырнадцать лет Ольга серьезно объяснила Леночке:

– Учиться нужно хорошо, Ленка. У нас, девочек из неблагополучных семей, есть только два пути – либо на трассу, работать «плечевыми» и продавать свое молодое тело за копейки, либо получить хорошую профессию. Я, например, как и родители, стану врачом.

– А разве мы из неблагополучной семьи? – Ленка смотрела на подругу «коровыми» беззащитными глазами. – У нас в семье все братья *ка*ждый день накормленные... И одеты хорошо. Старшенький, который после меня родился, Кирюша, аккуратно одежду носит, не рвет по заборам, не засаливает, она братьям достается. Мамка с папкой почти на одежду не тратятся.

– От ить дурында! – Ольга сплюнула откушенную травинку. – Да тебе сравнивать не с чем! Другой жизни мы и не видели. А вот что по телевизору показывают? Модели десятками по подиуму ходят, красуются. И та-а-кие деньги за это получают! Ого-го-го! А нам с тобою нужно иметь профессию в руках. Поедем вместе в Москву!

– В Москву? Это же страшно.

Подруги сидели на берегу Оки, на песчаной отмели и срывали сладкие апрельские травинки.

Надкусив очередную из них, Ольга посмотрела на свое отражение в воде. Она была не так высока и красива, как Леночка, зато имела нормальный характер и не позволяла помыкать собой. Сейчас она не советовалась с подругой, а диктовала дальнейшие действия на ближайшие годы.

По мере взросления Леночки ее мать стала читать ей небольшие лекции о том, как нужно правильно жить. Обычно учила она дочку, улегшись на диван и включив телевизор.

– Тебя можно как корову за веревочку водить. Ты же безотказная и совсем о себе не думаешь. Не дай бог какой-нибудь ухарь затащит тебя, дуру сисястую, в темный подъезд, а мне потом выблядка твоего воспитывать. Я твоему отцу до свадьбы не дала, сама терпела и ему велела. Чего ты на меня уставилась? Иди, вари борщ, скоро отец с братьями с рыбалки приедет, а я пока отдохну, все жилы вы из меня вытянули.

Глядя на мать, Леночка робко думала, что Ольга уже второй год живет с парнями и мужиками, но не рожает и чувствует себя свободной и довольной. А мама работает нянечкой в детском саду на полторы ставки из-за них, из-за детей. Очень устает, рано постарела. Отец тре-

тий год уже не бригадир, а прораб, но денег не хватает катастрофически, и мама каждый день притаскивает продукты с работы.

Это обычная практика всех сотрудников детского сада. Нет, они не собирают объедки по столам: просто не заявляют, когда в группе отсутствует несколько человек. Пребывание ребенка и его питание оплачено за месяц вперед, чего суетиться по мелочам?

По выходным для семьи все-таки приходилось готовить, и эту функцию Мария полностью возложила на Леночку – пусть девочка привыкает к семейным обязанностям. Единственно чего избегала мама, так это отправлять дочку в магазин. Местные алкаши, зная о мягком характере Леночки, часто просили у нее «на опохмел», и она не могла отказать. А потом отец шел разбираться и требовать деньги обратно. Спокойно Иван разговаривать не умел, лез в драку, после которой мирился с мужиками и уходил в двухдневный запой.

В семнадцать лет Ольга и Леночка закончили школу и поехали в Москву, в этот Содом и Гоморру советской действительности.

Как и намечала Ольга, обе подали документы в медицинский институт.

Столица подруг удивила и обворожила. Непривычное чувство свободы сыграло с ними нехорошую шутку. Ольга, понимая, что на улице и в общежитии никто ни за кем не наблюдает, пустилась во все тяжкие, меняя мужчин по принципу – кто выгоднее. За месяц успела многое.

У Леночки ситуация сложилась по-другому. Она действительно была очень хороша собой: стройная, пышногрудая и незащищенная. С первого взгляд было понятно, что с нею можно делать что угодно и она никому не станет жаловаться. То, что она до семнадцати лет оставалась девственницей, было заслугой Ольги, вовремя вытаскивающей подругу из странных компаний, а еще отца Леночки, который предупредил «на районе», что, если кто раньше времени тронет его дочь, станет инвалидом без первичных половых признаков. Зная характер Ивана и помня о подрастающих в семье четырех братьях, никто с Леночкой связываться не хотел.

Иное дело в Москве.

Профессор института Семен Аркадьевич Нирберг, правильно оценив характер и особенно внешние данные абитуриентки, решил, что ему пора сменить в доме молоденькую экономку, по совместительству любовницу.

На вступительном экзамене по биологии Леночка отвечала не очень уверенно, не хватало знаний и апломба, но именно это понравилось Семену Аркадьевичу. Он четко знал, кого должен завалить, а кого поддержать на экзамене, и имел за собой зарезервированное «место в списке поступивших». В этом году он решил не брать много денег на вступительных экзаменах, а протащить в институт именно Леночку.

Преподаватели приемной комиссии недоумевали: девушка отвечала не более чем на три балла, но Нирберг показывал пять пальцев, настаивая на высокой оценке.

Ольга поступила самостоятельно. Не зря она последние три года в школе плотно сидела за учебниками и бегала к родителям в больницу, где те работали хирургами.

Ольга давно уже знала, что станет хирургом. Обучение в медицинском институте быстро сделалось для нее естественным и привычным, но для Леночки оно стало шоком.

Для нее, не привыкшей к крови и тому, как цинично медики относятся к человеческому телу, к боли, к страданиям больных, первый и второй курс института оказались серьезным испытанием.

Байки о том, как студенты в анатомическом театре смеются над тем, что было изъято из человеческого тела во время операций, оказались правдой. Наверное, каждому медику нужно переступить через природную брезгливость и боязнь развернутого изнутри человеческого тела... Не сумев перестроиться, Леночка выбрала профессию терапевта.

Тот факт, что Леночка не только без проблем поступила в институт, но и не стала жить с Ольгой в общежитии, а отправилась на квартиру старого ловеласа Семена Нирберга, взбесил подругу.

Профессор был мечтой любой провинциалки: метр восемьдесят два, пятьдесят лет, хороший доход, прекрасная квартира и даже домработница. Тетя Дуся, как и большинство «домашних» людей, через двадцать лет служения воспринимала профессора как родственника и спокойно относилась к смене любовниц своего хозяина.

Бывая в доме Нирберга, Ольга старалась обратить на себя внимание профессора. Помогала готовить шестидесятилетней Дусе, оставалась на ночь и вертелась утром перед мужчиной в длинной футболке, не скрывающей полноватых бедер.

Зная о всех ухищрениях студенток, Нирберг подсмеивался над Ольгой, но ставил отличные оценки по гистологии, понимая, что врач из нее со временем получится хороший.

А вот домработница Дуся, которую Леночка, одна из немногих, звала тетей Евдокией, к Ольге относилась с неприязнью:

– Зараза она похотливая. Ты, Ленка, ее не слушай, ничего хорошего она тебе не посоветует. Зависть ее гл^ыжет. Смотри, доведет тебя до беды.

Праздник Восьмое марта решили отметить в общежитии. Леночка с трудом отпросилась у Семена «гульнуть». Он, начавший привыкать к присутствию в своей квартире тихой девушки, решил, что она сможет скрасить его приближающуюся старость.

Ему нужен рядом верный человек. Он еще молод, ему всего пятьдесят два, и детей у него не может быть, по дури сделал себе стерилизацию в тридцать пять лет, а менять студенток каждые два-три года он уже устал.

– Иди, развлекайся, – разрешил он Леночке. – Но смотри, в конце второго курса студенты и особенно студентки испытывают перелом в своем отношении к профессии. Я, как и другие преподаватели, много раз сталкивался с этой проблемой. Будь осторожней.

– Не блядуй и много не пей, – добавила свое веское слово Дуся и перекрестила девушку.

Желающих повеселиться набралось десять человек. Разместиться в комнате общежития не было возможности, и студенты отправились в лабораторию при анатомичке. С дежурным врачом договорились легко. Ольга выставила ему литр водки и себя.

Антураж анатомички, железные столы и белая холодная мебель, производил жутковатое впечатление.

Но после того как сдвинули в сторону банки с химикатами, автоклавы и пробирки, а на свободном пространстве сервировали стол с закусками, настроение студентов улучшилось. Трое парней принесли чистый медицинский спирт, соленые огурцы в пакетике и кусок ливерной колбасы или сардельки, как они говорили – для поддержания классического медицинского антуража, но остальные подозревали, что из экономии и желания надраться на халяву. Цветы достались двоим из пяти девочек. Одну хризантему презентовали Ольге за подмогу на зачете, а букет из трех гвоздик вручили Леночке, все-таки любовница профессора, а гистология – предмет важный.

Вернувшись из ординаторской после отработки аренды помещения, Ольга взяла бутерброд с колбасой, села между однокурсниками и недовольно покачала головой.

– Мельчает российский мужик. Сорока еще нет, а уже импотент.

Бывший Ольгин приятель, Серега, хлопнул ее по коленке.

– Нет, Оля, дело не в Евгении Павловиче, которого ты ходила совращать, а в тебе. Резкая ты, сразу в штаны лезешь, а в сексе, особенно после тяжелого рабочего дня, важна ласка. Вот посмотри на Леночку, на то, как наши ребята на нее облизываются. Если бы не Семен Аркадьевич, который ее пасет, я бы и сам...

Рассевшиеся на подоконнике, на столах и даже на кафельном полу студенты притомились пить за Восьмое марта, за девушек и принялись травить анекдоты.

Опьянев до состояния, при котором уже сложно говорить, Леночка слушала всех с широко открытыми глазами, вовремя хихикала и искренно радовалась тому, что оказалась в компании молодых ребят, а не с друзьями и коллегами Семена.

Ольга наблюдала за подругой с неприязнью, растущей с каждой минутой.

Выждав еще полчаса, Ольга пересела ближе к Леночке и, отодвинув в сторону Серегу и тощенькую брюнетку Катю, обняла девушку за плечи.

– Давно мы с тобой не шушукались, Леночка. А скажи мне честно, какой Семен Аркадьевич в постели? Нормально у него работает, удовлетворяет?

– Нормально, – Леночка стеснительно улыбнулась. – Такого, чего по телику видела, у нас почти не бывает... но мне и сравнивать не с чем. Ты ж знаешь, Оля, Семен у меня первый. В Касимове мне отец ноги бы оторвал.

– Э-э-х! – Ольга демонстративно сняла руку с плеча подруги. – От ить как была дурындой, так и осталась. А знаешь, с кем лучше всего трахаться? – Расширив глаза, Ольга заговорила взволнованно, с придыханием. – С только что помершим мужиком! У него член стоит, а еще он тебе часть души передает!

В глазах Ольги сверкал восторг от своей выдумки. Лена смотрела на нее с недоверием.

– Да ладно, Ольга, с покойником – это уже перебор.

Нащупав на столе стаканы и бутылку, Ольга набулькала граммов по сто и протянула Леночке стакан.

– А пойдем, проверим. Ты до сих пор покойников боишься, а это для медиков неправильно. Пойдем, найдем себе симпатягу.

– Я боюсь, – прошептала Леночка.

– Пора заканчивать с этим, не маленькая уже.

В один глоток выпив водку, Ольга взяла подругу за руку и потянула за собой. И Леночка, привыкнув подчиняться, поплелась за нею.

– Куда ты ее тащишь, шалава? – лениво поинтересовалась Катя, прикорнувшая к плечу Сергея. – Опять будешь трупками Ленку пугать?

– Нет, иду приучать Ленку к работе в морге. А то она все занятия прогуливает, а Семен Аркадьевич ее прикрывает.

Проходя по полутемному коридору, Леночка пошатывалась от страха и от дозы шампанского, «отлакированного» водкой.

Отперев двери морга, Ольга нащупала на стене выключатель и окинула взглядом помещение.

– Черт, всех в холодильник поклали. А холодных я не люблю. – Сделав серьезное лицо, Ольга внимательнее оглядела морг. – Хотя, если там, на каталке мужик, будем пользоваться.

– Может не надо, Оля?

– А чего такого?! – делано удивилась подруга. – Я вот после нашего доктора совсем не удовлетворенная. На кого мне лезть, на Серегу? Так он уже к Катке намылился.

Подойдя к каталке, Ольга откинула простыню.

– Симпатичный и особо не покоцанный. Смотри, как хрен стоит, огурчик!

– Как живой, – прошептала Леночка. – Мне сейчас плохо будет.

– Деревенская ты дурында. Учись, как это делается.

Быстро сняв с себя джинсы и трусики, Ольга легко забралась на каталку и оседлала тело мужчины. Чтобы достичь оргазма, ей потребовалось всего несколько минут.

Соскочив с каталки, она подтолкнула Леночку.

– Давай залезай, я тебя подстрахую.

Почти в обмороке, Леночка послушно уселась поверх мужчины и с удивлением почувствовала крепость и теплоту мужского органа.

– Наверное, Ольга нагрела, – вяло подумала она.

И тут случилось то, чего девушки не ожидали. «Покойничек» приподнялся и обхватил руками талию Леночки. Пока Леночка падала в обморок, а Ольга визжала от ужаса, мужчина аккуратно положил Леночку на каталку, спустился, обмотал бедра простынею и вышел из морга.

Глава 3

От холода тело каменело, но внутренние органы работали безотказно. Андрея начало трясти. Он еще раз прислушался к себе. Если сосредоточиться, то можно попробовать сначала сесть, а затем спустить ноги на пол.

Нащупав руками скользкий металл каталки, Андрей напрягся, чтобы приподняться, и в этот момент услышал голоса, доносящиеся из коридора. «Может, не надо?» – скулил один из них. «А чего такого?!» – уверенно отвечал второй.

Послышался лязг ключей, зажегся свет. Девушки пьяно переговаривались. Оцепенение еще не проходило, и Андрей, собрав, как его учил Адхи, всю силу, хотел было уже позвать на помощь, но события развернулись совершенно неожиданно. С него сдернули простыню.

– Симпатичный и особо не покоцанный. – Голос девушки был пьяный и грубый. – Смотри, как хрен стоит, огурчик!

– Как живой, – прошептала другая девица. – Мне сейчас плохо будет.

Не слушая больше девушек, Андрей решил немного подождать.

То, что на него взобралась девушка, оказалось для Андрея неожиданностью. Ее ритмичные движения стали его согревать, понемногу пробуждая тело. Приоткрыв глаза, Андрей увидел лицо молоденькой, весьма увлеченной происходящим девицы. Она не понравилась ему, но природа брала свое, прервать процесс стало невозможным.

Через три минуты, когда девица плотно сжала ногами его бедра, а после вздрогнула, Андрей немного разочаровался. Для окончательного «пробуждения» ему не хватило полминуты. Еще бы немного...

И тут на него уселась вторая девица. Эта была чуть симпатичнее, но тоже слишком пьяная. Эта сидела не двигаясь, с ужасом уставившись на него. Поняв, что он смотрит, забыв прикрыть глаза, Андрей решил доиграть свою роль. Он привстал, обхватил талию девушки, чтобы ему было удобнее, и бурно, с наслаждением кончил.

Закатив глаза, девушка оседала в его руках. Вторая визжала и топала ногами.

Уложив сомлевшую девицу на каталку, Андрей сдернул простыню и обмотал ею бедра.

Девица продолжала визжать, а Андрей, глядя на нее, думал о том, что же ему теперь делать.

Вообще-то в морге было, мягко говоря, прохладно. Поежившись, Андрей огляделся. Делать ему здесь было нечего. Он вышел из помещения и прошел по коридору, никого не боясь. Волосы на голове стягивала кровавая корка.

После секса организм стал функционировать в полную силу, мозг заработал еще четче.

«Куда могли деть мою одежду? Вряд ли ее успели кому-нибудь отдать, за нею некому прийти, ребята в Греции, а родственников у меня нет. Значит, она где-то здесь. Как же называется то помещение, где хранят одежду? Гардероб? Нет. Бельевая? Нет. А! Камера хранения...

На второй по счету двери в коридоре висела табличка «камера хранения».

Но как открыть дверь? Выбить не получится, она отворялась наружу, а замок разворотить нечем.

Между нижним краем двери и полом был зазор в пять сантиметров.

Нагнувшись, Андрей просунул в щель пальцы, напрягся. На то, чтобы расшатать дряхлую дверь и снять ее с петель, потребовалось несколько минут.

Свои вещи нашел быстро. Пиджак оказался залит сзади кровью, но на темном материале было не очень заметно. Переодевшись, Андрей нащупал в кармане брюк ключи от квартиры и офиса. Интересно, почему их не вынули? Посчитали, что авария была не криминальной, или еще руки не дошли? В любом случае ему повезло.

Куда теперь? В квартире наверняка до сих пор сидят братки. Ищут деньги, обворовывают, а там есть что взять, или допивают спиртное из бара. Оставался офис. Вряд ли кто остался в разграбленном офисе. А у него там второй комплект документов и две пластиковые карты, спрятанные на случай пожара в туалете под кафелем.

– Я за сигаретами. В отделении у всех закончились, – сказал Андрей на пропускном пункте и сосредоточился, внушая охраннику, что с ним все в порядке.

Отвлекаясь от телевизора, дежурный равнодушно оглядел выходящего мужчину. Высокий, здоровый, в костюме, а не дубленке, что нормально для врача. А то, что у него на голове и на рубашке засохшая кровь, он этого не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.